

Андрей Курейчик

СКОРИНА

Действующие лица:

1. Франциск Скорина
2. Магда
3. Марта, её сестра
4. Королева Чехии
5. Король Чехии
6. Светлана, фрейлина Королевы
7. Князь Ян Подвицкий, литвинский дворянин
8. Профессор Бессини
9. Милош
10. Курт
11. Джульетта
12. Леонардо
13. Магнат Карский
14. 1-ый.
15. 2-ой

I.

1551 год.

Прага. Спальня.

СКОРИНА. Магда... Воды. Магда...

МАГДА. Вина? Есть тёплое вино.

СКОРИНА. Воды.

МАГДА. Я налью тебе вина. Тёплое вино – ты заснёшь.

СКОРИНА. Нет.

МАГДА. Капризный... Пей! Дай вытпру... Жарко?

СКОРИНА. Не открывай окно!

МАГДА. Воздух спёртый.

СКОРИНА. Не открывай... *(Пауза)*.

МАГДА. Франц, может за лекарем послать?

СКОРИНА. Зачем? Спроси меня, я тебе скажу... Это опухоль в животе. Осталось недолго...

МАГДА. Да нет. Я хотела спросить про волдырь. Вчера на руке вскочил волдырь. Думала сначала – натёрла. А потом подумала – где? Вроде не делала ничего...

СКОРИНА. Покажи...

МАГДА. Вот.

СКОРИНА. Поверни, я не вижу. Болит?

МАГДА. Чешется.

СКОРИНА. Укусило что-то. Не чеши!

МАГДА. Вставать будешь?

СКОРИНА. Сколько времени?

МАГДА. Пробило одиннадцать.

СКОРИНА. Подай халат.

МАГДА. Может, полежал бы ещё. Обойдутся без тебя денёк. Кашу будешь? С потрохами...

СКОРИНА. Ещё вода есть?

МАГДА. Надо сказать, день сегодня хоть куда! Весна, красота, птицы поют, солнце... Ну просто благодать.

СКОРИНА. Почему халат не заштопала?

МАГДА. Где?

СКОРИНА. Вот.

МАГДА. Когда это ты порвать умудрился?

СКОРИНА. Старые вещи рвутся, Магда. Приходят в негодность. Как и старые люди...

МАГДА. Вечером заштопаю.

СКОРИНА. Где мои окуляры?

МАГДА. Там, у кровати.

СКОРИНА. Здесь нету.

МАГДА. Тогда не знаю. Где ты вчера оставил? *(Оглядывается)*. Вон они, на столе. Ты что опять... Опять переводил?

СКОРИНА. Здесь больше нет воды.

МАГДА. Франц! Ну послушай меня, Франц. Ну посмотри на меня, в конце концов!

СКОРИНА. Дай окуляры.

МАГДА. Мы же с тобой это обсуждали. Сотни раз. Франц... Зачем делать то, что никому не нужно? Это же глупость. Для кого ты переводишь?

СКОРИНА. У меня есть заказ.

МАГДА. Врёшь.

СКОРИНА. Для себя. Отдай окуляры!

МАГДА. Тронулся, да? Я понимаю, старческое слабоумие, да? Это ребячество, Франц. Иди на улицу, выйди в парк.

СКОРИНА. Дай!

МАГДА. Ты больше не нужен им, Франц. Ты больше никому не нужен. И это хорошо... Зачем Праге твои переводы? Ну, Франц...

СКОРИНА. У меня в кофре есть мазь... Надо смазать волдырь, а то раздерёшь в кровь, гнить начнёт...

МАГДА. Обиделся?

СКОРИНА. Чего обижаться...

МАГДА. Ну, я назвала тебя слабоумным.

СКОРИНА. Так и есть.

МАГДА. Ну перестань!

СКОРИНА. Нет, всё правильно. Так и есть... Я перевожу с одного иностранного на другой иностранный без заказа... Разве это не слабоумие? Какой чешский разум это осмыслит?

МАГДА. Всё-таки ты переводил на родной...

СКОРИНА. Чтобы переводить на родной, надо для начала иметь родину. Подай ведро, мне надо справить нужду. И выйди... Я тебя позову. (*Она собирается уходить*). Магда, Магда... И принеси воды!

II.

Прага. Королевский дворец.

КОРОЛЕВА. Город Прагу вполне можно считать центром просвещённой Европы. Прекрасная архитектура, склонность народа к искусствам, ремёслам и новым мыслям, решительно превосходят иные народы Европы. Не последняя роль в том, монархии...

СВЕТА. Я не успеваю.

КОРОЛЕВА. Монархии, щедро одарившей... Нет, зачеркни.

СВЕТА. Ага.

КОРОЛЕВА. Лучше, покровительствующей всякому образованному и талантливому человеку.

СВЕТА. Человеку.

КОРОЛЕВА. Вроде, складно?

СВЕТА. Вроде да, ваше величество.

КОРОЛЕВА. Покажи... Хорошо. Дальше... Поэтому мы рады пригласить вас, господин Гондольфини, на должность королевского садовника и лекаря при дворе его величества. Записала? Отнеси в канцелярию – пусть запечатают и отошлют.

СВЕТА. А как же доктор Скорина?

КОРОЛЕВА. Доктор, который сам болен всеми известными болезнями?

СВЕТА. Но...

КОРОЛЕВА. Света, ну я же не прошу, чтобы Гондольфини приехал завтра. Пройдёт несколько месяцев, -- вполне достаточно в нашей ситуации.

СВЕТА. Ваше величество, что вы говорите?

КОРОЛЕВА. А что я говорю? Что я «такого» говорю? Ты хочешь меня пристыдить? Не выйдет. Не я обозначила сроки, а он сам. В конце концов, Скорина – доктор, ему виднее.

СВЕТА. Господи, как он страдает.

КОРОЛЕВА. Может, вместо книжечек, господину Скорине следовало бы заниматься другими исследованиями: эликсира жизни, например. Уверена, при его упорстве, он давно бы открыл верный состав.

СВЕТА. А вы бы с удовольствием таким составом воспользовались...

КОРОЛЕВА. На что ты намекаешь?

СВЕТА. Ни на что.

КОРОЛЕВА. На что ты намекаешь?

СВЕТА. Так просто... Мысли вслух.

КОРОЛЕВА. А не надо думать вслух! Особенно, когда тебя об этом не просят. (*Пауза*). Хотя, всё может быть... Пока правда, эликсиры доктора Скорины дают сбои. Принца вчера целый вечер рвало от его отваров.

СВЕТА. Может, за обедом отравился? Вы за доктором Скориной послали?

КОРОЛЕВА. Не понадобилось. Как только пригрозила, что приглашу Скорину, его мигом перестало рвать.

СВЕТА. Ну вот видите.

КОРОЛЕВА. Рвота закончилась, зато началась истерика. Я думала, он захлебнётся в слезах. Мне пришлось пообещать, что доктор Скорина, этот палач и инквизитор, больше никогда к нему не придёт.

СВЕТА. Но вам-то его капли помогли...

КОРОЛЕВА. А мне всё помогает. Такой я человек. Иногда выгляну в окно, увижу синицу, и мне уже легче.

III.

Входит СКОРИНА.

СКОРИНА. Ваше величество, госпожа Светлана...

КОРОЛЕВА. Ну что ты сделаешь, вспомни о ком-нибудь, и он тут как тут. Ну не стойте, как на поминках, доктор. Идите уже сюда...

СКОРИНА. Как вы себя чувствуете, ваше величество?

КОРОЛЕВА. Спасибо, ничего.

СКОРИНА. А маленький наследник?

КОРОЛЕВА. С переменным успехом.

СКОРИНА. Отвар не помог?

КОРОЛЕВА. А я так думаю – оно всё к лучшему.

СВЕТА. Сегодня наследник совершенно здоров и даже играл за столом.

СКОРИНА. Вы даёте ему слишком много сладкого. Это нехорошо для зубов. Ему надо больше пить. Пить воду...

КОРОЛЕВА. Он пьёт.

СКОРИНА. Надо больше пить.

КОРОЛЕВА. Он пьёт, как лошадь.

СКОРИНА. Очень хорошо... Просто воду. Чистую ключевую воду.

СВЕТА. А вы как себя чувствуете, доктор Скорина?

СКОРИНА. Что-то невероятное. Я сегодня проснулся, как будто на двадцать лет моложе. Бодрым, совершенно бодрым...

СВЕТА. Мы очень рады. А то вот её величество изволили беспокоиться.

КОРОЛЕВА. Ну, беспокоится – это крепко сказано...

СКОРИНА. А...

КОРОЛЕВА. Просто любопытно насколько вы хороший предсказатель. (*Пауза*). Вы обещали жаркое лето. Посмотрим, как оправдаются надежды. Вы, кажется, по какому-то делу?

СКОРИНА. Ах да... Я из розария. Вот эти розы я прививал сам. Совершенно уникальный сорт.

КОРОЛЕВА. Да вы что? Какая красота! Света, посмотри какая прелесть. Вы просто волшебник, доктор. Только не говорите, что вы назвали этот сорт в мою честь?

СКОРИНА. Нет. (*КОРОЛЕВА передаёт розы СВЕТЕ.*)

КОРОЛЕВА. Нет? Хм... А как же?

СКОРИНА. Литвинские.

КОРОЛЕВА. Не очень романтично.

СВЕТА. Пахнут.

КОРОЛЕВА. Ну конечно пахнут, это же розы.

СВЕТА. Особый такой, кисловатый аромат. Чувствуете, господин Скорина?

СКОРИНА. Нос заложен.

СВЕТА. Кисловатый...

КОРОЛЕВА. Как и их вид. Впрочем, что мы всё о ботанике? Господин Скорина, это правда, что вы учились в Италии?

СКОРИНА. Да, в Падуе.

КОРОЛЕВА. Ах да, на родине-то, очевидно, и приличного образования получить негде...

СКОРИНА. Негде...

КОРОЛЕВА. Света, ты слышишь -- Падуя... Говорят, там царят весьма вольные нравы?

СКОРИНА. Всякое бывало...

КОРОЛЕВА. Только не надо стыдливо опускать глаза. Вы уже не мальчик, смущение вам не к лицу. Да – это клоака. Да – это дно. Да – рассадник разврата. Кардинал вообще называет Венецианскую республику прямой наследницей Содомы и Гоморры. Собирают со всего мира всякий сброд, а потом удивляются, что у каждого второго венерические болезни.

СВЕТА. Ваше величество...

КОРОЛЕВА. А что такое? Что?

СВЕТА. Я розы здесь поставлю...

КОРОЛЕВА. Нет, куда-нибудь туда, подальше... Да.

СВЕТА. Всё-таки они великолепны.

КОРОЛЕВА. Кто это мне говорил? (*СВЕТЕ*). Ты? Что господин Скорина в Падуе был большой весельчак и затейник... А... Это кардинал и рассказывал. Откуда он собирает эти сплетни? Господин Скорина, такое утро дурное. Ночью плохо спала, какие-то глупости снились. Да ещё наследник... Расскажите нам что-нибудь весёлое, анекдот какой-нибудь...

СКОРИНА. Ваше величество, так сразу и не припомнишь... Так давно было...

КОРОЛЕВА. Не верю. Наверное, накуролесили в своё время.

СВЕТА. Ваше величество...

КОРОЛЕВА. А что? Ну ладно, ладно... Все были молодыми! Не хотите воспоминаний – не надо. У каждого своё кладбище за спиной... Но просто так я вас не отпущу, не надейтесь.

СКОРИНА. Всё, что в моих силах...

КОРОЛЕВА. Не хотите историй – не надо. Спойте песню.

СКОРИНА. Песню?

КОРОЛЕВА. Только не говорите, что вы не знаете студенческих песен? Или в Падуе забыли традиции менестрелей и трубадуров? Просим! Просим! Света, сядь уже, наконец, куда-нибудь!

СВЕТА. Я...

КОРОЛЕВА. Сядь, сядь, не мельтеши! Мешаешь человеку собраться. Ну, господин Скорина, мы ждём!

СКОРИНА начинает петь трубадурскую песню.

*Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина - трактир.
Нам пивная - Божий храм.
Ночь проведи за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель - стариканам,
безрассудство - молодым!*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.*

КОРОЛЕВА. Очень хорошо. Дальше...

СКОРИНА.

*Столько девок молодых,
сколько во поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бедрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.*

Срывается на кашель, который не может остановить, задыхается.

КОРОЛЕВА. Света, ну сделайте что-нибудь. Дайте ему порошок!

СВЕТА. Господин Скорина...

СКОРИНА. Воды... Просто воды...

КОРОЛЕВА. Он хочет воды. Вода здесь есть? Света, найдите ему где-нибудь воду! Боже, я не могу это всё выносить... Господин Скорина, спасибо за концерт. Света, я к принцу...

IV.

СКОРИНА продолжает кашлять. СВЕТА приносит воду. СКОРИНА пьёт, успокаивается.

СВЕТА. Вот...

СКОРИНА. Спасибо.

СВЕТА. Ещё?

СКОРИНА. Нет.

СВЕТА. Вам лучше? Её величество сегодня сама не своя...

СКОРИНА. Ей нужны более молодые шуты.

СВЕТА. Зачем вы так говорите? Она совсем не такая...

СКОРИНА. Я пойду, Света... Томаш собирается стричь кусты у западного моста. Надо проследить, а то после него всегда такая грязь...

СВЕТА. А вы слышали новость? К его величеству приехал посланник из Вильно, дворянин Ян Подвицкий... С вашей родины, господин Скорина.

СКОРИНА. Моя родина здесь, госпожа.

СВЕТА. Он так интересно рассказывает о литвинских краях. О Вильно, о Полоцке, о Менске... Почему вы никогда об этом не рассказывали?

СКОРИНА. Я их уже не помню.

СВЕТА. Лукавите.

СКОРИНА. Да и зачем?

СВЕТА. Вы меня удивляете, господин Скорина.

СКОРИНА. Я сам себя удивляю. Живуч всё-таки человек.

СВЕТА. И вы совсем не хотите с ним познакомиться?

СКОРИНА. Не хочу.

СВЕТА. Почему?

СКОРИНА. Не хочу.

СВЕТА. Очень красивые розы. Этот новый сорт. Я не люблю пышных и декоративных цветов. Они как будто пытаются кому-то что-то доказать. Они заносчивы...

СКОРИНА. Цветы?

СВЕТА. А ваши розы – настоящие. Им не нужна чужая слава. Они спокойные, скромные, но в их скромной гармонии – большая сила и красота. Внутренняя красота. Как и в вас, господин Скорина.

СКОРИНА. Ох... С ума сойти.

СВЕТА. Вы смеётесь надо мной? Напрасно...

СКОРИНА. Посмотри на меня. Я чуть не подохо прямо здесь у тебя на глазах всего несколько минут назад. Скорина не жилец. Меня уже почти здесь нет...

СВЕТА подходит и целует ему руку.

СВЕТА. А я всегда буду рядом...

V.

Входит МАГДА. СВЕТА уходит.

МАГДА. Франц, твои порошки. Пей.

СКОРИНА. Не злись на неё. Она ещё сама не знает, чего хочет. Маленькая...

МАГДА. Я её ядом крысиным отравлю. Если будет около тебя ошиваться.

СКОРИНА. Перестань.

МАГДА. Жить нормально не давали, а теперь ещё и к больному лезут...

СКОРИНА. Магда, что у тебя за характер?

МАГДА. Нормальный характер.

СКОРИНА. Ох...

МАГДА. И не надо стонать. Ты ей стони, не мне...

СКОРИНА. Ладно, пойдём.

МАГДА. Что ты здесь вообще делал?

СКОРИНА. Пел.

МАГДА. Пел?

СКОРИНА. А что... Я решил начать певческую карьеру. А что... Сейчас вообще поют все кому не лень, без слуха, без голоса...

МАГДА. Почему ты мне никогда не пел?

СКОРИНА. Я тебя жалел.

МАГДА. А их не пожалел? Теперь этих девок палкой от тебя не отгонишь. Кумир молодёжи!

ОНИ уходят.

VI.

Прага. Королевская оранжерея.

ПОДВИЦКИЙ. Ничего себе!

КОРОЛЬ. А! Самая большая оранжерея в Европе! Вы хотели убедиться – пожалуйста. Семьдесят семь сортов одних только роз. Орхидеи, экзотические цветы, не знаю даже, как называются, пальмы, кактусы...

ПОДВИЦКИЙ. А кто смотрит за оранжереей?

КОРОЛЬ. Садовник.

ПОДВИЦКИЙ. И кто сей выдающийся муж? Просто, хотелось бы ему задать несколько ботанических вопросов.

КОРОЛЬ. И мне тоже. Здесь же капает! Где Скорина?

КОРОЛЕВА. Света большая поклонница талантов господина Скорины.

ПОДВИЦКИЙ. Да вы что? А у него и таланты есть?

КОРОЛЕВА. Полно.

КОРОЛЬ. Наверное, стёкла плохо подогнаны. И вода в щелях собирается.

ПОДВИЦКИЙ. (*СВЕТЕ*). А садовник – это единственный мужчина, чьими талантами вы интересуетесь?

СВЕТА. Нет. Просто не у всех эти таланты имеются.

КОРОЛЕВА. Вон он идёт, ваш Скорина.

ПОДВИЦКИЙ. Где?

КОРОЛЬ. Очень хорошо! Скорина! Идите сюда, я вас познакомлю.

VII.

Входит СКОРИНА.

СКОРИНА. Ваше величество, я к вашим услугам. Госпожа...

КОРОЛЬ. Во-первых, позвольте вам представить – князь Ян Подвицкий, наш большой виленский друг. Доктор Франциск Скорина – наш садовник.

СКОРИНА. И лекарь...

КОРОЛЬ. Ну, и лекарь, тоже...

ПОДВИЦКИЙ. Очень приятно.

КОРОЛЬ. Господин Подвицкий большой поклонник ботанических наук. Он буквально затянул нас в оранжерею. А во-вторых, здесь капает! В вашей оранжерее какие-то идиотские осадки. Что у вас с крышей?

КОРОЛЕВА. Господи, ну неужели мы будем обсуждать чью-то крышу при гостях?

КОРОЛЬ. Будем.

КОРОЛЕВА. Кстати, если уж говорить о талантах господина Скорины, то вчера он устроил для нас настоящий концерт.

КОРОЛЬ. Что вы пели?

КОРОЛЕВА. Что-то из итальянских трубадуров.

ПОДВИЦКИЙ. Может быть, споёте снова? Это было бы так увлекательно.

СВЕТА. Ваше величество...

КОРОЛЕВА. Э нет, в прошлый раз это плохо закончилось. Мы едва не потеряли господина Скорину не только как начинающего певца, но и как опытного садовника. Передам лишь свои впечатления – феерически!

КОРОЛЬ. Ну мы совсем смутили господина Скорину. Посмотрите, на нём совсем лица нет. А то, что есть такого красного цвета...

СКОРИНА. Это от нездоровья, ваше величество.

КОРОЛЬ. Тем более, нет смысла затягивать наш разговор. Ян, вы идёте?

ПОДВИЦКИЙ. Я всё-таки задам свой вопрос...

КОРОЛЕВА. Света.

СВЕТА. Я тоже интересуюсь ботаникой...

КОРОЛЕВА. Что у них сегодня – ботанический съезд? Ладно...

КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА уходят.

VIII.

ПОДВИЦКИЙ. И правда, господин Скорина, сад дивный. А там что?

СКОРИНА. Гладиолусы.

ПОДВИЦКИЙ. Да? Красивые, не правда ли, мадам? Цивилизованную страну от нецивилизованной легко отличить по состоянию садов и оранжерей. Буквально в прошлом году был в Московии, так у них, знаете, ни садов, ни оранжерей. Одни огороды. И так представьте, дома, дома и сразу лес. А в лесу мужики. Вот с такими бородами. И вот с такими дубинами. Азия... Другое дело, скажем, Лондон или Мадрид. Ну а ваш сад, господин Скорина, выдаёт в вас европейского человека.

СКОРИНА. Обманчивое впечатление.

ПОДВИЦКИЙ. А там что?

СКОРИНА. Астры.

ПОДВИЦКИЙ. Астры? А... А там, давайте я сам угадаю – маки.

СКОРИНА. Пионы.

ПОДВИЦКИЙ. Всё-таки ботаник из меня никудышный.

СКОРИНА. Это все вопросы? Я пойду...

ПОДВИЦКИЙ. Право же, куда вам торопиться? Тем более в компании земляка и такой дамы. Когда ещё представится возможность поговорить на родном языке? Только вслушайтесь в эти звуки: слышите, какие они сочные, какие родные... Это как музыка, как детские воспоминания. Как они сразу отзываются в сердце...

СКОРИНА. Ничего не отзывается. Я больше не говорю на этом языке.

ПОДВИЦКИЙ. Но понимать-то, я надеюсь, ещё понимаете.

СКОРИНА. Ну если это вам доставит удовольствие.

ПОДВИЦКИЙ. А вам?

СКОРИНА. Я уже давно забыл об удовольствиях.

ПОДВИЦКИЙ. Как же, господин Скорина, забыли? А трубадурские песенки? Судя по словам её величества, вы произвели настоящий фурор. Миледи, вы там присутствовали, это правда, что господин Скорина проявил себя как настоящий виртуоз?

СВЕТА. Мне кажется, эта тема не стоит того...

ПОДВИЦКИЙ. Стоит, стоит. Ведь вам нравится быть садовником?

СКОРИНА. Я не жалеюсь.

ПОДВИЦКИЙ. Спокойное, мирное занятие, да ещё среди такой красоты. Розы, акации, гладиолусы, в конце концов.

СКОРИНА. Что вы от меня хотите?

ПОДВИЦКИЙ. Ну и конечно, небольшие концерты... А вы, простите, только поёте? Или имеете также номера в иных жанрах: цирковом, разговорном, театральном?

СКОРИНА. Нет.

ПОДВИЦКИЙ. Подготовьте обязательно. Времени-то, я смотрю, у вас навалом. И особенно в театральном! Вы выглядите как заправский трагик.

СВЕТА. Господин Подвицкий, зачем вы...

СКОРИНА. Не надо, меня это не оскорбляет. Вы довольны садом, господин Подвицкий?

ПОДВИЦКИЙ. Сад – беллиссимо! Итальянский, я надеюсь, вы тоже не забыли?

СКОРИНА. Всех вам благ.

ПОДВИЦКИЙ. Последний вопрос. Я основал небольшой маёнток под Полоцком. Хочу его оформить вот в таком стиле. И чтоб обязательно старинные растения... Мечтаю серьёзно заняться ботаникой. Вы не сделаете для меня подбор семян?

СКОРИНА. Хорошо. Завтра.

ПОДВИЦКИЙ. Только объясните мне сначала, почему хорошие семена так плохо приживаются на нашей земле? Подумайте, в чём может быть причина: в земле, в семенах, в садовике...

СКОРИНА. Разбирайтесь сами в ваших проблемах. Оставьте меня в покое. Прощайте...
(Уходит).

ПОДВИЦКИЙ. Скорина, от правды не убежишь! От себя не спрячешься!

IX.

ПОДВИЦКИЙ. Станный у вас садовник. Что вы на меня так смотрите?

СВЕТА. Любопытный разговор...

ПОДВИЦКИЙ. Вы находите? Всё дело в языке. Для чешского уха многое звучит непривычно.

А вы, миледи, какие цветы любите?

СВЕТА. Розы...

ПОДВИЦКИЙ. Почему ещё не замужем?

СВЕТА. Простите...

ПОДВИЦКИЙ. Розы – прекрасные цветы. Поклонников много?

СВЕТА. А вам какое дело?

ПОДВИЦКИЙ. Я сказал, что цивилизация определяется по уровню садоводства. Не только. Цивилизованную страну узнаёшь по женщинам. Это те цветы, которые я различаю без ошибок. Здесь уж я не перепутаю пион и мак. Куда русским краснощёким, слащавым бабам или хитрым, похотливым татаринкам, до богемской красоты...

СВЕТА. Смешно.

ПОДВИЦКИЙ. Произведение свободы, красоты и цивилизации...

СВЕТА. А вы, я вижу, «садовник» опытный...

ПОДВИЦКИЙ. В таких делах опыт бесполезен.

СВЕТА. В каких вещах?

ПОДВИЦКИЙ. Знаю, что вы сейчас думаете: приехал на неделю, хвост распушил, а дома небось жёнушка на хозяйстве сидит и детей целый выводок... И ещё в десятке городов по любовнице. Вроде как дело чести соблазнить кого-нибудь в каждом путешествии. Видите, дорогая Светлана, карты на стол.

СВЕТА. А что, это не правда?

ПОДВИЦКИЙ. Правда... Начиналось с этого, не спорю. Сами понимаете. Всегда с этого начинается.

СВЕТА. Зачем тогда и продолжать?

ПОДВИЦКИЙ. А если вы мне нравитесь?

СВЕТА. А если вы мне – нет?

ПОДВИЦКИЙ. Ложь.

СВЕТА. Не имею такой привычки.

ПОДВИЦКИЙ. Это заметно...

СВЕТА. Зато у вас эта привычка уж больно закоренелая. Не надо... Не сейчас... Прощайте, господин Подвицкий.

ПОДВИЦКИЙ. Вам кричу то же, что и вашему садовнику: от природы не убежишь! И от себя тоже!

СВЕТА уходит.

ПОДВИЦКИЙ. Отличный цветник. Отличный...

X.

Прага. Спальня.

СКОРИНА. Магда! Магда! Где она? Магда! Когда не надо, всегда нос всунет, ахватишься – никогда нет... Магда! Ну и пёс с тобой... Куда она положила мои окуляры? Ничего не найти...

Находит окуляры, садится за свой стол.

Так... Что это? А... Так... Ну я же просил положить мне новые перья. Ай, Магда... Перья. Где она хранит перья? В этом доме можно найти всё, что угодно, только не перья! А вот... Попить воды. Вода – это хорошо. Всегда говорил, вода – это самое главное. Вода питает... Вода просветляет... Вода – благодать... Так...

Снова садиться. Начинает проводить.

Тёмная баба... Что они все понимают? Магда говорит, что это бесполезно. Бесполезно, хм. Ничего в этом мире не бесполезно. Научить Христа, апостолов и учеников его говорить на другом языке... Иначе заповеди не действуют. Они не понимают, что свет истины начинается с самого, самого родного... С народом надо как с ребёнком, разговаривать. Разговаривай сейчас, а то потом одичает, опустится... Время упустишь... Всё! Разговаривать... *(Пауза)*. Сам себя я что ли пытаюсь убедить? Слабоумный Скорина... Иди спать... Спать! И больше никогда не бери перо в руки, не сотрясай пустоту...

Уходит, тихо напевая трубадурскую песенку.

XI.

1513 год.

Падуя. Таверна. Разгар веселья.

МИЛОШ. Скорина!

СКОРИНА. Доктор! Доктор Скорина! Я выдержал экзамен!

ВСЕ. Ура!

МИЛОШ. За доктора Франциска Скорину!

ВСЕ. Ура!

МИЛОШ. Дай хоть поздравлю! Обниму... Ну...

СКОРИНА. Милош, я теперь доктор, понимаешь? Милош!

КУРТ. Ну теперь нос задерёт. Возгордиться. На улице перестанет узнавать.

СКОРИНА. Перестань, Курт.

КУРТ. Йо-йо! Кто мы теперь для него – школяры, студенты. А здесь – доктор вольных наук.

СКОРИНА. Сегодня все пьют за мой счёт. Чтобы ни у кого, ни у одной собаки не повернулся язык сказать, что Скорина забыл своих друзей! А этому *(показывает на КУРТА)* налейте двойную!

ВСЕ. Ура Скорине!

МИЛОШ. Устал?

СКОРИНА. Как чёрт. Три месяца.... Три месяца, Милош, без еды, без сна... Книги, опыты, книги, опыты... Честно говоря, сейчас спроси – ничего не помню. Как стёрло. Но я сдал!

КУРТ. А что Бес?

СКОРИНА. Пытал меня до конца. До последнего... Четыре часа вопрос за вопросом.

КУРТ. А ты?

МИЛОШ. Слушай, что ты к нему прицепился... Дай ему выпить...

СКОРИНА. Воды налей...

МИЛОШ. Хорошее пиво.

СКОРИНА. Позже... Горло пересохло, хочется воды... Один только раз он меня завалил. Хитрый Бес... У меня к четвёртому часу голова начала отключаться. А он вцепился, ни на секунду не отпуская. И завалил на мелочи...

КУРТ. На чём?

МИЛОШ. На химии?

СКОРИНА. Не, не... На химии не получилось. На математике. И что-то спросил такое, слушай, вылетело из головы...

МИЛОШ. А решали долго?

КУРТ. Йо-йо! Хватит воду хлестать! Пиво! Только пиво! Зачем по-твоему люди изобрели пиво? Давай...

СКОРИНА. Час... Через час меня пригласили, и Бес сказал, что Падуанский университет дарует мне степень доктора.

КУРТ. Единогласно?

СКОРИНА. Единогласно.

КУРТ. Редкий случай, чтоб единогласно. Куда теперь, в Вильно?

СКОРИНА. Кто меня там ждёт? У нас не любят шибко образованных, особенно с Западным-то дипломом. Нет, Скорина не рождён, чтобы стать писарем у какого-нибудь чинуши. Или торгашом. У Скорины другие амбиции. Скорина свободы хлебнул – а это, брат, такая зараза... Ярмо на гузок не наденешь! Доктор...

КУРТ. Для нас это будущее. Йо-йо...

СКОРИНА. Ничего, защититесь. Годик, другой и защититесь. А пока – гуляем! Вот, отец денег прислал. Гуляем! Всё гуляют! (*Танцует и звонко поёт*).

*Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина - трактир.
Нам пивная - Божий храм.
Ночь проводи за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель - стариканам,
безрассудство - молодым!*

(ВСЕ подпевают).

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.*

*"Человек - есть божество!"
И на жизненном пиру
я Амура самого
в сотоварищи беру.
На любовную охоту
выходи, лихой стрелок!
Пусть красавицы без счету
попадут к тебе в силок.*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда*

вешние денечки.

*Столько девок молодых,
сколько во поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бедрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.*

КУРТ. Разошёлся наш доктор...
МИЛОШ. Ему сегодня можно.

ХII.

Входит БЕССИНИ.

КУРТ. Бес...
МИЛОШ. Ух ты... Ничего себе, надо предупредить Франца... (*Делает знаки СКОРИНЕ*). Бес...
КУРТ. Пришёл... Черт побери, пришёл ведь... Профессор Бессини!
БЕССИНИ. Всё пьёте, Курт Гугенхейм? Думаю на экзамене наш разговор с вами будет нелёгкий.
КУРТ. Йо-йо... Ясно... Намёк понят. Уступаю место и удаляюсь.
БЕССИНИ. Очень верное решение. (*КУРТ уходит*).
СКОРИНА. Профессор Бессини...
БЕССИНИ. Ничего, что я так, без приглашения?
СКОРИНА. Что вы, как можно?
БЕССИНИ. Садитесь, доктор Скорина.
МИЛОШ. Профессор, могу я вам что-нибудь предложить?
БЕССИНИ. Предложите мне своё отсутствие.
МИЛОШ. Понял. У меня как раз небольшое дельце тут недалеко, но я вернусь!
СКОРИНА. Давай... (*МИЛОШ уходит*).
БЕССИНИ. Как вы себя чувствуете после экзамена, доктор?
СКОРИНА. Хорошо. Устал, но хорошо.
БЕССИНИ. Надеюсь, вы обратили внимание, как я старался облегчить ваше испытание. Я редко проявляю такую мягкость. Но в вашем случае это было оправдано. Ведь вы готовились...
СКОРИНА. Готовилась...
БЕССИНИ. Можно было и серьёзней подготовиться, ну да Бог с вами... У вас светлая голова, доктор Скорина. Наверстаете.
СКОРИНА. Я очень тронут, что вы пришли профессор.
БЕССИНИ. Если бы пророк Илия спустился сюда на золотой колеснице, здесь бы меньше удивились. Ладно... Бес тоже иногда оборачивается человеком. И у него просыпаются вполне человеческие желания...
СКОРИНА. Например?
БЕССИНИ. Например, выпить пива.

СКОРИНА. Простите... *(Наливает ему пива)*. Вот... Я такой дурак неотёсанный.

БЕССИНИ. За учёного Скорину!

СКОРИНА. За его педагогов! *(Пьют)*. Ещё?

БЕССИНИ. Да...

СКОРИНА. Как ваше исследование «Философского камня»?

БЕССИНИ. Не смейся... Превращение свинца в золото – мечта любого правителя на земле. И прекрасная возможность для учёного получить финансирование для научных исследований. А на что, ты думал, построены наши лаборатории? Хвала тому гению, кто первый придумал эту глупость. И хвала тем дуракам, которые до сих пор готовы платить за эту глупость деньги...

Что смотришь? Ты что, серьёзно верил?

СКОРИНА. Да. Все знают, профессор Бессини ищет «Философский камень» и даже имеет серьёзные успехи.

БЕССИНИ. А это правда. Успехи есть. Успехи – налицо. Несложный опыт, и свинцовый стержень становится золотым. Только снаружи, правда... Но впечатление производит огромное. Только это секрет.

СКОРИНА. Конечно...

БЕССИНИ. Хочешь получить деньги на науку, пообещай им чудо, а затем – покажи фокус. *(Пауза)*. Хочу попросить вас об одном одолжении...

СКОРИНА. Всё, что угодно.

БЕССИНИ. Всё, что угодно... Хм... У меня есть дальний родственник во Флоренции. Ему надо кое-что отвести. Кое-что очень важное. Естественно, это будет оплачено. *(Пауза)*.

СКОРИНА. Не знаю...

БЕССИНИ. Простите, что отнял ваше время, доктор Скорина. Веселитесь... *(Встаёт, чтобы уходить)*.

СКОРИНА. Профессор, я с удовольствием отвезу ваш пакет.

БЕССИНИ. Я действительно не хотел бы вас обременять.

СКОРИНА. Я поеду.

БЕССИНИ. Это дневники. Дневники моих исследований за восемь лет. Кое-какие расчеты. Потеряете, восстановить вряд ли удастся. В пакете – подробные инструкции. А пока – празднуйте. Вон с какой ненавистью ваши приятели смотрят на меня. И ваши поклонницы... Отдаю вас им. Ещё раз поздравляю, доктор.

СКОРИНА. Профессор.

БЕССИНИ. Да... Светлое сердце не терпит пустоты, как и светлая голова. Завидую вам, Скорина, вас ждут такие приключения... *(Уходит)*.

ХШ.

К СКОРИНЕ подбегает МАРТА. Обнимает его.

МАРТА. Франц!

СКОРИНА. Марта!

МАРТА. Я вся извелась. Стою – а он всё не отходит и не отходит!

МИЛОШ. Зачем он вообще сюда приходил?

СКОРИНА. Да так, поздравить...

МАРТА. Он глянул – у меня аж мурашки по спине. Ужас...

МАГДА. Чтобы тебя напугать, сестричка, много не надо.

СКОРИНА. Магда...

МАРТА. Франц, я так по тебе соскучилась. Из-за этого проклятого экзамена, мы почти не виделись. Но теперь ты, доктор, Франц, доктор!

МИЛОШ. Доктор, которого поздравляет сам Бессини!

МАГДА. Принести ещё кувшин пива?

СКОРИНА. И воды... Для меня.
МАГДА. Ох, воды...
МАРТА. Ну ты счастлив, Франц?
СКОРИНА. Да.
МАРТА. И?
СКОРИНА. Не понимаю, что «и»?
МАРТА. Теперь мы можем вернуться в Прагу и пожениться. *(Пауза)*.
МИЛОШ. Ну где Магда, её как за смертью посылать. Пойду ей помогу. *(Отходит)*.
МАРТА. Что? Франц, что?
СКОРИНА. Ничего, ты сегодня такая красивая. Слушай, с этой зубрёжкой забываешь как выглядит твоя любимая женщина... Как пахнуть её волосы... Как лучатся её глаза... Как нежны её руки...
МАРТА. Франц...
СКОРИНА. Мы поженимся в мае. Я обещаю. А кроме того, теперь у нас на это есть деньги – смотри.
МАРТА. Франц, откуда столько? *(СКОРИНА показывает)*. Бессини? За что?
СКОРИНА. Надо отвести его родственнику кое-какие бумаги.
МАРТА. Отвести куда?
СКОРИНА. Во Флоренцию...
МАРТА. А...
СКОРИНА. Это недолго. Несколько недель.
МАРТА. Недель?..
СКОРИНА. Ты и заметить не успеешь. Поедешь в Прагу, всё подготовишь, сошьёшь свадебное платье. Я приеду и сразу повенчаемся...
МАРТА. Из чего сошью?
СКОРИНА. Из бархата, который мы купим завтра в Торговом ряду. Лучшего бархата и голландских кружев.
МАРТА. Франц...
МИЛОШ. *(Возвращаясь с МАГДОЙ)*. Ну вот и мы. Не помешаем?
МАГДА. Потом поворкуют...
МИЛОШ. Я поднимаю тост за Альма Матер! *(Пьют)*. А теперь танцевать! Всем танцевать! А вот и наш Курт. Пошли плясать, Курт! *(МИЛОШ, МАРТА и МАГДА танцуют)*.
КУРТ. Ну что Бес?
СКОРИНА. Отправляет во Флоренцию.
КУРТ. Поедешь?
СКОРИНА. Да.
КУРТ. Хм... Интересный ты человек, Франц. Йо-йо... В твоей ситуации и ехать.
СКОРИНА. А что с моей ситуацией?
КУРТ. Я привык не совать нос в чужие дела.
СКОРИНА. Хорошая привычка.
КУРТ. Только я думаю, что ты там останешься.
СКОРИНА. Почему?
КУРТ. Флоренция – такой город, откуда не возвращается.
СКОРИНА. Флоренция – это просто город. У меня здесь Марта, мы решили ехать в Прагу, к её родителям, чтобы пожениться.
КУРТ. Йо-йо... Отличная мысль, Франц. Только я остаюсь при своём. Пошли танцевать... *(КУРТ уходит танцевать. К СКОРИНЕ подходит МАГДА)*.
МАГДА. Сестра мне сказала...
СКОРИНА. Ты ей поможешь?
МАГДА. Честно говоря, твой отъезд так некстати. Марта столько ждала.
СКОРИНА. Я скоро приеду.

МАГДА. Она будет очень ждать тебя.

СКОРИНА. Может, я окажусь в Праге раньше вас...

МАГДА. Налить воды?

СКОРИНА. Да... Магда...

МАГДА. Я очень рада за свою сестру, доктор Скорина. Хочу верить, что ты сделаешь её счастливой, Франц. (*Уходит*).

XIV.

1513 год.

Флоренция. Дом Мастера. ЛЕОНАРДО пишет картину, ему позирует ДЖУЛЬЕТТА.

СКОРИНА. Можно? Я искал сеньора Леонардо...

ЛЕОНАРДО. Это я. Ты откуда?

СКОРИНА. Из Падуи.

ЛЕОНАРДО. Что, у падуанцев появился славянский акцент?

СКОРИНА. А... Нет. Вы имели в виду, откуда я родом? Из Полоцка, Великое Княжество... Это...

ЛЕОНАРДО. Я знаю, где это. Чем обязан?

СКОРИНА. Отвлекаю, да?

ЛЕОНАРДО. Ну, в общем, да...

СКОРИНА. У меня для вас пакет от профессора Бессини.

ЛЕОНАРДО. Милая, расслабься на пять минут. (*ЛЕОНАРДО берёт пакет, открывает*). Как ты сказал, тебя зовут?

СКОРИНА. А я ещё не сказал. Франциск.

ЛЕОНАРДО. Просто Франциск?

СКОРИНА. Франциск Скорина, доктор.

ЛЕОНАРДО. Уже доктор?

СКОРИНА. Неделю уже.

ЛЕОНАРДО. Экзамен сдал с первого раза?

СКОРИНА. Да.

ЛЕОНАРДО. Слабеет дядя. Теряет былую хватку. Раньше у него никто с первого раза не сдавал. Что поделать, годы берут своё... Пишет, чтобы я тебя принял гостеприимно. Хвалит. Совсем, наверное, сбрендил там, а?

СКОРИНА. Не знаю...

ЛЕОНАРДО. Шучу... (*Смотрит дневник БЕССИНИ*). А вот это уже серьёзно. Хм... Интересно, откуда он взял деньги на эти опыты?

СКОРИНА. Философский камень...

ЛЕОНАРДО. А... Половина химиков этим кормится. (*Вчитывается в дневник*). Потрясающе... Вы простите, господин Скорина, я вас оставлю. Это... Это очень важно.

СКОРИНА. Конечно...

ЛЕОНАРДО. Я распоряжусь на счёт комнаты. Можешь, погостить сколько хочешь...

СКОРИНА. Я снял комнату в гостинице...

ЛЕОНАРДО. Пустяки. Надо же, у него получилось! (*Выходит*).

XV.

СКОРИНА. Не холодно?

ДЖУЛЬЕТТА. Привыкла. Смущаетесь? Никогда не видели натурщицу?

СКОРИНА. Чего мне смущаться, я доктор, всякое видел...

ДЖУЛЬЕТТА. Презираете?

СКОРИНА. Почему?

ДЖУЛЬЕТТА. Видно. Вам кажется моё занятие неприличным?

СКОРИНА. Не мне вас судить, синьорина.

ДЖУЛЬЕТТА. Для людей натурщица и проститутка – одно и то же.

СКОРИНА. А что, это не так? Вы же продаёте свое тело.

ДЖУЛЬЕТТА. Я продаю свою наготу. Посмел бы кто-нибудь пальцем дотронуться до моего тела. Будь это даже миланский герцог. Стыдиться мне нечего. Господь человека таким создал. Так и сеньор Да Винчи говорит...

СКОРИНА. Простите, если я вас обидел.

ДЖУЛЬЕТТА. Вам чего-нибудь налить?

СКОРИНА. Воды.

ДЖУЛЬЕТТА. Просто воды?

СКОРИНА. Да.

ДЖУЛЬЕТТА. Как вам Флоренция?

СКОРИНА. Я ещё мало видел, хотя мне нравится. Красивый город... Красивые люди...

ДЖУЛЬЕТТА. Это может оказаться призрачным. Снаружи – одно. Внутри – другое. Не обманитесь...

СКОРИНА. И в этом доме?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет. В этом доме всё взаправду. Здесь ведь занимаются искусством.

СКОРИНА. Как вы думаете, это будет слишком нагло, если я задержусь здесь на неделю?

ДЖУЛЬЕТТА. Неделю...

СКОРИНА. Может, даже десять дней.

ДЖУЛЬЕТТА. Пребывание здесь, большое счастье для любого. Наслаждайтесь этим счастьем, доктор Скорина.

СКОРИНА. Как вас зовут?

ДЖУЛЬЕТТА. Джульетта.

СКОРИНА. Просто Джульетта?

ДЖУЛЬЕТТА. Натурщицам не дают титулов.

СКОРИНА. Хорошо, Джульетта. Франц.

ДЖУЛЬЕТТА. Завтракаешь рано?

СКОРИНА. Что?

ДЖУЛЬЕТТА. Я раньше десяти не встаю. Хозяин часто работает по ночам. Могу приносить к одиннадцати. Если проснёшься раньше, бери еду с вечера.

СКОРИНА. Хорошо.

ДЖУЛЬЕТТА. И никогда не разговаривай со мной при хозяине.

СКОРИНА. Будет ревновать?

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем ревновать? Нужно ревновать? Господин Да Винчи – гений. Когда он работает – это бог работает. Его нельзя отвлекать от работы.

СКОРИНА. Ясно... Ты замужем?

ДЖУЛЬЕТТА. Ох...

СКОРИНА. Слишком в лоб, да?

ДЖУЛЬЕТТА. Я так и знала...

СКОРИНА. Проехали...

ДЖУЛЬЕТТА. Как можно голую женщину об этом спрашивать?

СКОРИНА. Забыли, лады?

ДЖУЛЬЕТТА. Замужняя натурщица – смешно. То же самое, что замужняя проститутка. Мужчины ещё не сошли с ума.

СКОРИНА. Больше никаких вопросов – обещаю.

ДЖУЛЬЕТТА. Не смущайся. Всё, что ни происходит – всё к лучшему. Хочешь честно: я не променяла бы эту жизнь на свадьбу с герцогом.

СКОРИНА. Я тоже пока не женат.

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем ты это сказал?

СКОРИНА. Просто так.

ДЖУЛЬЕТТА. Просто так, лучше держать язык за зубами. Если я люблю мужчину, мне всё равно, пусть у него будет хоть сотня жён. А если не люблю – тем более. Он возвращается, Франц, тебе лучше уйти.

СКОРИНА. Я только...

ДЖУЛЬЕТТА. Потом... Всё успеется. Десять дней – это целая вечность.

XVI.

Через неделю. ЛЕОНАРДО и СКОРИНА.

СКОРИНА. Господин да Винчи...

ЛЕОНАРДО. А, Скорина. Проходи.

СКОРИНА. Вы не заняты? Я могу...

ЛЕОНАРДО. Проходи, проходи... Хорошо, что ты заглянул. Смотри. Птица каплун весит три фунта. Такой же объём воздуха весит семь тысячных фунта. Бессини рассчитал. В десятки тысяч раз легче птицы. И тем не менее птица летит. Почему?

СКОРИНА. Так сотворил Господь.

ЛЕОНАРДО. М-да...

СКОРИНА. Человек всё равно никогда летать не сможет.

ЛЕОНАРДО. Человек всё сможет, если захочет. Смотри.

СКОРИНА. Что это?

ЛЕОНАРДО. Это крылья.

СКОРИНА. Для человека?

ЛЕОНАРДО. Птицы тупее человека, не всех людей, конечно, но в целом тупее – и научились летать. Разве это не унижительно? По-моему, очень. Да птицы в тысячу раз лучше знают природу физических сил, чем человек. И что же делать нам?

СКОРИНА. Но мы не можем отрастить крылья...

ЛЕОНАРДО. Учиться, Скорина. Они – учителя, мы – ученики. Школяры в освоении тайн природы. Человеку просто не хватает прилежания. Я сегодня препарирую труп. Хочешь присоединиться?

СКОРИНА. Да.

ЛЕОНАРДО. Помоги выкатить... *(Они выкатывают тележку с телом).*

СКОРИНА. Кто это?

ЛЕОНАРДО. Одна горожанка... Сейчас скажу точно. Оливия Марселини, дочь бакалейщика. Бездетная, незамужняя, тридцать два года.

СКОРИНА. Задушена.

ЛЕОНАРДО. Повесилась. Хоронить таких запрещено, отец её был так любезен и за небольшие деньги...

СКОРИНА. Почему повесилась?

ЛЕОНАРДО. Никогда не лезу в личную жизнь своих трупов.

СКОРИНА. Лицо красивое.

ЛЕОНАРДО. Подай воду. Полотенце. *(Обтирает тело).* Ты находишь?

СКОРИНА. А вы – нет?

ЛЕОНАРДО. Для художника нет некрасивых лиц. Дай нож.

СКОРИНА. Никогда не препарировал трупы художественных целей. В медицинских – много раз.

ЛЕОНАРДО. Подставь таз. А то Джульетта опять будет вопить, что загадили весь пол...

СКОРИНА. Она здесь убирает?

ЛЕОНАРДО. Она тебе ещё об этом не рассказала? Не красней, Скорина. Давай теперь брюшную полость. Подожди, я возьму бумагу. Хочу кое-что зарисовать.

СКОРИНА. Ниже вскрывать?

ЛЕОНАРДО. Да, до самого паха. И промой немного.

СКОРИНА. Ох... *(Пауза)*. Она беременна.

ЛЕОНАРДО. Да? Покажи. Девять, максимум двенадцать недель. М-да... Протри.

СКОРИНА. Я не могу.

ЛЕОНАРДО. Дай я. Попей воды.

СКОРИНА. Да... Вода... Отлично... Горло пересохло.

ЛЕОНАРДО. Это же чудо природы. Как он красив. Мальчик. Если присмотреться, можно угадать черты лица. Положи нож. Я зарисую...

СКОРИНА. Я хотел попросить вас об одном одолжении.

ЛЕОНАРДО. Да?

СКОРИНА. Могу я у вас задержаться ещё на две недели?

ЛЕОНАРДО. Да живи... Мне кажется, он улыбается.

XVII.

СКОРИНА пишет письмо.

СКОРИНА. «Дорогая, светлая моя Марта! Время пролетело так скоро, что когда я сел писать тебе это письмо, я вдруг понял, что не виделись мы с тобой тринадцать недель. Время обмануло меня, и я теперь клятвопреступник. Не смогу я приехать в Прагу, как обещал. Отъезд из Флоренции откладывается. Прости, что не могу написать тебе ничего более определённого. Чувствую, что теперь решается судьба моя. Пусть Господь выберет мне путь. Твой Франц. 1 августа, года 1513».

Запечатывает письмо, пишет адрес. Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Кому пишешь? Женщине?

СКОРИНА. Да.

ДЖУЛЬЕТТА. Из Литвы?

СКОРИНА. Нет.

ДЖУЛЬЕТТА. Дай письмо. *(СКОРИНА отдаёт. ДЖУЛЬЕТТА открывает, читает)*. Это твоя предыдущая женщина? Она красивая? А впрочем, какой глупый вопрос. Унизительный вопрос. Конечно, она прекрасна.

СКОРИНА. Красивей тебя никого нет.

ДЖУЛЬЕТТА. Какие женщины в Литве?

СКОРИНА. Разные... Моя мама была как солнце: белокурая, в кудряшках, которые ничем нельзя было уложить, глаза огромные, светлые, лучезарные и белая, как молоко, кожа.

ДЖУЛЬЕТТА. Да... чудо. У тебя было много женщин?

СКОРИНА. Джульетта...

ДЖУЛЬЕТТА. Ну мне интересно.

СКОРИНА. А ты как думаешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Десять.

СКОРИНА. С чего ты взяла?

ДЖУЛЬЕТТА. Я угадала?

СКОРИНА. Девять.

ДЖУЛЬЕТТА. Со мной?

СКОРИНА. С тобой, десять. А у тебя? *(Пауза)*. Трудно подсчитать?

ДЖУЛЬЕТТА. Очень. Двое.

СКОРИНА. И я третий?
ДЖУЛЬЕТТА. Ты второй.
СКОРИНА. А... Второй... Хм... Ну ты моложе меня.
ДЖУЛЬЕТТА. Да.
СКОРИНА. А кто первый?
ДЖУЛЬЕТТА. Его зовут Лука. Хороший парень: добрый, честный...
СКОРИНА. Дворянин?
ДЖУЛЬЕТТА. Нет.
СКОРИНА. А сеньор Леонардо?
ДЖУЛЬЕТТА. Никогда. Только работа. Я же тебе с самого начала сказала.
СКОРИНА. Боже, Джульетта, я тебя так люблю. Выходи за меня. Серьёзно. Сколько ещё он будет писать тебя? Два месяца?
ДЖУЛЬЕТТА. Картина почти готова. Три, может, четыре недели.
СКОРИНА. Ты выйдешь за меня?
ДЖУЛЬЕТТА. Франциск... Франц...
СКОРИНА. Плюнь на всё, выходи за меня!
ДЖУЛЬЕТТА. Давай дождёмся конца работы.
СКОРИНА. Ты не уверена?
ДЖУЛЬЕТТА. Конечно, я не уверена, Франц. Как здесь можно быть уверенной? Может, это всё вообще неправильно. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. И вот – жениться. (*Пауза*). Не злись. Злости – полные кости! Чувствую себя какой-то истязательницей. Ну... Я же не отказываюсь...
СКОРИНА. Лучше бы отказалась и всё.
ДЖУЛЬЕТТА. Перестань. В мире нет женщины, которая бы сильнее любила мужчину. Отправь письмо, не забудь...

XVIII.

СКОРИНА и ЛЕОНАРДО.

ЛЕОНАРДО. Скорина, почему ты не хочешь заняться живописью?
СКОРИНА. Поздно. Да и бессмысленно.
ЛЕОНАРДО. Ничего себе заявление! Так уж и бессмысленно?
СКОРИНА. Ну потратите полгода, напишите картину, а потом она висит у кого-нибудь в столовой.
ЛЕОНАРДО. Висит, ага.
СКОРИНА. И что изменилось?
ЛЕОНАРДО. Ничего.
СКОРИНА. Ну одна картина у одного человека. Большинство, да что большинство – почти никто, о ней даже не узнает. Какой смысл?
ЛЕОНАРДО. Ясно. А в чём, по-твоему, есть смысл?
СКОРИНА. А вот если бы вашу картину и в каждый дом. Ну, как бы очищение души для всякого... Чтоб по-честному.
ЛЕОНАРДО. О нет, на всех меня не хватит. Руки только две, часов в сутках двадцать четыре. Но мысль любопытная.
СКОРИНА. Фантастическая.
ЛЕОНАРДО. Конечно, фантастическая. Человек ведь фантазёр. И прожектёр. А это, друг мой, божественнейшая из всех божественных черт. Только вот ведь какая шутка, написать две одинаковые картины невозможно. Знаю, пробовал. Господь не разрешает. Но ведь и летать человеку не предписано, а полетит. Прометей тоже, помнишь, всё огонь в каждый дом с Олимпа нёс. А что за огонь ты хочешь нести?

СКОРИНА. Слово. Слово Божье. На языке народа, на языке сердца.

ЛЕОНАРДО. Ты слышал про печатные прессы? Все идеи нам даны, нужно их просто разглядеть. Я помогу тебе с чертежами, Скорина. Неси своё слово в каждый дом...

СКОРИНА. А вы?

ЛЕОНАРДО. А я – нет. Мне нечего нести в каждый дом. О чём мне с ними говорить? О полётах? Им всё равно летать не интересно...

ХІХ.

ЛЕОНАРДО тишет. ДЖУЛЬЕТТА позирует.

ЛЕОНАРДО. Готово. Иди смотри.

ДЖУЛЬЕТТА. Боюсь... Раньше так легко всегда смотрела, а сегодня... Боюсь. (*Подходит, смотрит*). Она такая красивая.

ЛЕОНАРДО. Она – это ты.

ДЖУЛЬЕТТА. Да... Только другая, светлая, как будто ангел изнутри светиться. Не могу смотреть.

ЛЕОНАРДО. Почему?

ДЖУЛЬЕТТА. Ай... Деньги вы мне когда заплатите?

ЛЕОНАРДО. Они там, можешь взять.

ДЖУЛЬЕТТА. Говорят, портрет отбирает душу. Мама так говорила. Она ещё господину Боттичелли позировала. А потом у неё сыпь по всему телу пошла, угри – никакие травы не помогали. Умирая, она Боттичелли прокляла.

ЛЕОНАРДО. Зачем тогда ты позируешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Чего полегче спросите. Всё-таки не панель... Да может, просто это сифилис какой-нибудь у неё был. Поди пойми... И вообще мне поговорить с вами надо... Идёмте.

ХХ.

СКОРИНА и ЛЕОНАРДО.

СКОРИНА. Я посмотрел ваши чертежи. Чудо. Вот, эскизы шрифтов.

ЛЕОНАРДО. Покажи... Ничего. А зачем вот этот вензель здесь?

СКОРИНА. Красиво.

ЛЕОНАРДО. Ох... (*Вычёркивает*). Скорина, ты меня убиваешь. Пошлятина...

СКОРИНА. Когда вы завтра освободитесь, к десяти?

ЛЕОНАРДО. Нет, завтра я свободен весь день.

СКОРИНА. А Джульетта, картина?

ЛЕОНАРДО. Картина закончена. Джульетта уехала. (*Пауза*).

СКОРИНА. Как уехала?

ЛЕОНАРДО. Я расплатился, она уехала. В свою деревню под Неаполем. К жениху, по-моему его зовут Лука. Они давно хотели пожениться, чуть ли не с двенадцати лет. Он сам её сюда привёз, под мою ответственность.

СКОРИНА. Уехала... Ага...

ЛЕОНАРДО. А здесь вот можно пустить орнамент. Как ты считаешь?

СКОРИНА. Да. Отлично.

ЛЕОНАРДО. Ты не посмотрел.

СКОРИНА. Где? Не очень пёстро получится? А хотя, хорошо... Да, вы правы, орнамент...

ЛЕОНАРДО. Скорина...

СКОРИНА. Вода здесь есть?

ЛЕОНАРДО. Скорина...

СКОРИНА. Я пойду, принесу воды.

ЛЕОНАРДО. У тебя не было шансов. Ни единого. Уж с твоей ли славянской недоверчивостью этого не понимать.

СКОРИНА. Я понимаю. В пятницу я выезжаю в Прагу. Может, оно всё и к лучшему...

ЛЕОНАРДО. Конечно, к лучшему. Когда женщина уходит из твоей жизни, это всегда к лучшему. Столько места освобождается. Возьми её портрет. Посмотри на неё: её глаза, губы, волосы... Есть вещи, которые должны быть в одном экземпляре и принадлежать одному человеку, не правда ли?

XXI.

1551 год.

Прага. Спальня.

СКОРИНА. Магда! Магда! (*СКОРИНА переводит с латыни, не может разобрать слово, злиться*). Что б тебе...

МАГДА. Ты кричал?

СКОРИНА. Я ревел, как бык...

МАГДА. Быки мычат. А твои вопли разносятся по коридорам дворца, как стоны вурдалаков... Тобой уже детей пугают. Ты чего? Тебе плохо? Франц, обиделся?

СКОРИНА. Я забыл. Я переводил с латыни и забыл слово. Первый раз в жизни... Я пытался вспомнить, а в голове – каша. Эхо какое-то... И всё болит... И смысл, кажется вот он, вот, вертится, руку протяни, а ухватить не могу.

МАГДА. Забыл слово – эка беда...

СКОРИНА. Но я его переводил сотни раз.

МАГДА. Словарь подать?

СКОРИНА. Да. И ещё у меня запылились окуляры.

МАГДА. Покажи. Да чистые... Я сегодня протирала.

СКОРИНА. Нет, они грязные! Грязные! Ты что меня, за идиота держишь! Сквозь них видно плохо... Буквы размываются...

МАГДА. Ну хорошо, протру... Теперь как?

СКОРИНА. Лучше. Ты водой их промыла?

МАГДА. Ох... Как ты мне надоел.

СКОРИНА. Промой их водой.

МАГДА. Хоть эликсиром их протирай, глаза прежними останутся. Зачем корячишься, никому сто лет не надо?

СКОРИНА. Это мне надо! Это мне надо! Как ты не понимаешь!

МАГДА. Ну тише, тише...

СКОРИНА. Это мне надо!

МАГДА. Ну надо – делай. (*Пауза*).

СКОРИНА. Магда...

МАГДА. А?

СКОРИНА. Магда, почитай мне. Ты почитай, а я попишу. А то я целый час одно предложение рассматривал. И так, и этак... А оно плывёт. Шторм, какой-то в глазах. А писать-то я, хоть с закрытыми... Магда.

МАГДА. Хорошо. Где?

СКОРИНА. Здесь. (*МАГДА начинает читать по латыни, СКОРИНА пишет*). Почему-то сегодня ночью Флоренцию вспомнил...

МАГДА. Почти сорок лет прошло, а я так и не знаю, что там было. Не хочешь рассказывать?

СКОРИНА. Не хочу. Да и нечего рассказывать. Так, пустота...

XXII.

Спальня. Входит ПОДВИЦКИЙ.

ПОДВИЦКИЙ. Здесь кто-нибудь есть? Живой... Воняет, как в лазарете. Гниёт здесь что ли...

СКОРИНА. Я здесь.

ПОДВИЦКИЙ. А, Скорина... Неужели вы живёте в этой норе?

СКОРИНА. Ваши семена.

ПОДВИЦКИЙ. Семена. Не забыли... Хорошо.

СКОРИНА. Я написал инструкции. Подождите...

ПОДВИЦКИЙ. А я никуда не тороплюсь.

СКОРИНА. Вот.

ПОДВИЦКИЙ. На латыни? Я не читаю на латыни.

СКОРИНА. Могу написать по-чешски, по-немецки, по-итальянски... *(Пауза)*.

ПОДВИЦКИЙ. Пишите по-немецки. А это что? *(Берёт бумагу со стола)*.

СКОРИНА. Это вас не касается.

ПОДВИЦКИЙ. Ну что вы, Скорина, нельзя быть таким скрытным.

СКОРИНА. Отдайте.

ПОДВИЦКИЙ. Как интересно...

СКОРИНА. Дайте сюда! Дайте! *(Срывается на кашель)*.

ПОДВИЦКИЙ. Ну к чему эта истерика. Да вы просто развалина. Выпейте воды. *(СКОРИНА судорожно пьёт)*. Вот...

СКОРИНА. Отдайте...

ПОДВИЦКИЙ. А что вы – стесняетесь? Вам стыдно? Покраснели... Вспотели... Раздуваете щёки. Вращаете глазами. Орёте. Режут вас, что ли?

СКОРИНА. Это моё! Моё!

ПОДВИЦКИЙ. У вас слюни текут, Скорина. Вы напоминаете мне старуху, у которой отобрали любимый чепец. «Это моё! Моё!» *(Смотрит на бумагу)*. Значит, это правда – взялись за старое. Статейки, прадмовы... Для кого?

СКОРИНА. Ни для кого!

ПОДВИЦКИЙ. Все говорили мол Скорина ушёл от дел, сбежал, политически эмигрировал. Сдулся... И тихонько разводит орхидеи да кактусы... А я сразу не поверил.

СКОРИНА. Значит, всё подстроили...

ПОДВИЦКИЙ. Небольшая дипломатическая игра. Я знаю о вас всё, что только может знать человек о другом человеке. Где родился, где учился, кто семья, братья, сёстры, первая любовь, вторая любовь, третья и так далее, вплоть до Марты...

СКОРИНА. Заткнитесь!

ПОДВИЦКИЙ. Я понимаю: небольшие семейные «скелеты в шкафу».

СКОРИНА. Зачем вы приехали?

ПОДВИЦКИЙ. Очень своевременный вопрос. Очень. Но сначала жалоба: ну и замечаете вы следы, Скорина. Оставляете такую головную боль будущим поколениям.

СКОРИНА. Мне насрать на будущие поколения. Зачем вы приехали?

ПОДВИЦКИЙ. Грубо. *(Пауза)*. Мы хотим, чтобы вы вернулись.

СКОРИНА. Вернулся куда?

ПОДВИЦКИЙ. В Литву.

СКОРИНА. И кто это «мы»?

ПОДВИЦКИЙ. Мы – это мы. Это не просто объяснить. Скажем так, есть группа людей, очень влиятельных людей. Патриотов...

СКОРИНА. Даже так...

ПОДВИЦКИЙ. Вообразите себе. Которые, как бы это выразиться, не очень довольны существующим в стране положением вещей. Скажу больше, хотят его изменить.

СКОРИНА. А я причём?

ПОДВИЦКИЙ. Ну подумайте сами, как было бы мило, если бы сам господин Скорина вернулся на родину и занялся любимым просвещением.

СКОРИНА. А взамен?

ПОДВИЦКИЙ. Бывают времена, когда стране нужна твёрдая власть. Вы посмотрите, что происходит: король – тряпка, русский царь вырывает всё большие куски из бока Литвы, воеводы и магнаты творят, что хотят. Правая рука не знает, что делает левая. Сейм – сборище клоунов, воров и трусов. Доходит вообще до абсурда. Вспомнить хотя бы эту бабу в Слуцке... Хаос, который вопиет к порядку. Москва превращается в монстра, в единый кулак, который сокрушит любого, и аппетиты этого монстра растут... Противостоять ему может такой же...

СКОРИНА. Монстр.

ПОДВИЦКИЙ. Кулак.

СКОРИНА. Почему я?

ПОДВИЦКИЙ. Народ. В государстве, помимо всяких прочих полезных вещей есть ещё и народ. Шляхта, купцы, мещане, крестьяне... Всякое быдло. А его надо убеждать. Вы неправильно поняли суть своего изобретения, Скорина. Богу не нужны печатные машины, чтобы дойти до сердец. Не смешите. А вот правителям очень нужны. Позарез.

СКОРИНА. Берите машину.

ПОДВИЦКИЙ. Нет, без вас никак нельзя. Слово Скорины – дорогое слово. И у нас есть на него средства. Государство тоже надо лечить, доктор. Иначе оно может ослабеть и погибнуть.

СКОРИНА. Все умирают.

ПОДВИЦКИЙ. Вам легко говорить: одной ногой вы уже там, а нам жить. *(Пауза)*. Не капризничайте. Умирать здесь, в этих условиях, в этой стране... Подумайте, Скорина. От себя не убежишь. Я зайду завтра за немецким переводом. *(Пауза)*. И сделайте что-нибудь с этой старческой вонью, здесь же дышать невозможно.

XXIII.

Входит СВЕТА.

СВЕТА. Господин Скорина, я просто зашла проведать ваше здоровье.

СКОРИНА. Это несложно, у меня оно отсутствует.

СВЕТА. Выглядите хорошо.

СКОРИНА. Даже не знаю, чем тебя развлечь.

СВЕТА. Не надо развлекать. Расскажите про что-нибудь... про свою семью.

СКОРИНА. Про Магду? *(СВЕТА кривится)*. Я понял, про мою семью там, в Полоцке. *(СВЕТА кивает)*. У моего отца был нос, как слива, а верхние зубы так выступали вперёд, что он даже не мог закрыть рот. Когда он говорил, то брызгал слюной, и жутко злился, если кто-то жаловался на это. Он сделал состояние на торговле рыбьим жиром. Этот запах стоял у нас в доме постоянно.

СВЕТА. Пить заставляли?

СКОРИНА. Кружками... И потом всё время хотелось пить воду. Всё время...

СВЕТА. А мама?

СКОРИНА. Мама... Время почти стёрло её черты из памяти. Встреть её на улице, не уверен, что я бы её узнал. Хотя нет, конечно, узнал бы... Я был уже почти взрослым... Когда солнце падало на её волосы, они вспыхивали.

СВЕТА. Господин Скорина...

СКОРИНА. Я тебя утомил?

СВЕТА. А у моей мамы тоже волосы светились. Только я бы её всё равно не узнала, потому что никогда не видела. То есть видела... Мне было двадцать пять дней... Хотя иногда по ночам и утрам, между сном и реальностью, я чувствую вкус её молока на своих губах. Мёд и ваниль... (СКОРИНА целует её в губы). Простите меня...

СКОРИНА. За что?

СВЕТА. Столько времени потеряла... Столько времени, дура. А ведь всего надо сказать несколько слов, одно слово... (СКОРИНА снова целует её. Входит МАГДА).

МАГДА. Я принесла свежую воду.

СВЕТА. Мне пора. Простите, что оторвала вас от работы.

МАГДА. Ничего, ничего... Мы рады оторваться.

СКОРИНА. Магда!

МАГДА. Не ори на меня! Простите, нам надо сделать процедуры.

СВЕТА. Конечно... Я только... Конечно... (Выходит).

XXIV.

СКОРИНА. Что ты на меня так смотришь?

МАГДА. Опять за старое. Я думала, ты хоть перед смертью успокоишься.

СКОРИНА. Магда.

МАГДА. Магда... Магда носит воду, моет, стирает, готовит, убирает. Магда делает удобно. А он будет помирать, но ходить по девкам. «Свеженького» перед гробом захотелось?

СКОРИНА. Магда...

МАГДА. Спасибо. Заслужила за сорок лет...

СКОРИНА. Магда.

МАГДА. Что?

СКОРИНА. Не плачь.

МАГДА. Возьми свою воду.

СКОРИНА. Не хочу.

МАГДА. Я здесь поставлю.

СКОРИНА. Говорят, у нас чем-то пахнет. В баню пора идти что ли...

МАГДА. Конечно, ведь мы теперь общаемся с молоденькими... (Пауза). Ладно. Пойду за вениками...

XXV.

1517.

Прага. Трактир.

СКОРИНА. Эй, чех, пузо поверни!

МИЛОШ. Скорина! Не верю своим глазам...

СКОРИНА. Старый, добрый сябра Милош! (Они обнимаются).

МИЛОШ. А я уж думал всё, потеряли тебя навсегда, не отпустит Италия. Останется на заграничных харчах. Эх, смотри ты, заматерел, мясо нарастил. Усы отпустил. Модный... Ну настоящий итальянец.

СКОРИНА. Зато ты всё такой же.

МИЛОШ. А это? (Указывает на пузо). А подбородки? А задница? Бычий окорок, а не задница! Ай... Пиво будешь? Где там, в Италии – пиво! (Наливает. Пауза).

СКОРИНА и МИЛОШ. (Одновременно). Ну как дела?

СКОРИНА. А! Ты первый.

МИЛОШ. Путём... Да что здесь, в Праге – не жизнь, а пена. Кручусь помаленьку. Ага... Женился...

СКОРИНА. Женился?

МИЛОШ. Женился, да. Ну... Хорошо, в общем, женился. На дочке гробовщика одного. Очень богатая... Ребёнок есть. Да... Девочка. Два года. А мы с тобой не виделись, э-э-э?

СКОРИНА. Четыре. Нет, почти пять...

МИЛОШ. Пять... Да ты пей-пей.

СКОРИНА. Отличное пиво.

МИЛОШ. Ну так наше, свежайшее...

СКОРИНА. Подожди, я что-то хотел спросить, про...

МИЛОШ. А красиво там, во Флоренции? А бабы? Бляди, да? Ох, итальянки! Топки у них что надо. Вспомню – вздрогну! Да ладно, не красней... Вижу, там время зря не терял.

СКОРИНА. Выпьём. (*Пауза*). Милош, я ведь не просто так приехал. Дело есть. Вернейшее. Без тебя никак.

МИЛОШ. Да ты что, Скорина. Да я... Что хочешь.

СКОРИНА. Столяры хорошие и кузнецы есть?

МИЛОШ. Найдём.

СКОРИНА. Сарай какой-нибудь, побольше.

МИЛОШ. Не проблема.

СКОРИНА. Толковых ребят, грамотных, человек пять.

МИЛОШ. Шибко грамотных?

СКОРИНА. Шибко.

МИЛОШ. Поищем.

СКОРИНА. А теперь самое главное – деньги, чтобы всё это оплатить.

МИЛОШ. А вот это трудно.

СКОРИНА. Я понимаю.

МИЛОШ. Хм, ну, поговорю с людьми. В чём суть дела-то?

СКОРИНА. Ну как тебе сказать. Будем книги печатать.

XXVI.

Входит МАГДА.

МИЛОШ. Магда, смотри, кто приехал. Скорина...

МАГДА подходит к СКОРИНЕ и лупит ему пощёчину.

МАГДА. Скотина! Подонок! Подлец!

СКОРИНА. Магда, что ты...

МАГДА. Подонок! Урод! (*Бьёт его. МИЛОШ оттаскивает её*). Мерзавец! Она так ждала тебя! До последнего дня ждала тебя! Подонок! (*МИЛОШУ*). Убери от меня свои руки!

МИЛОШ. Тише, Магда. Не ори!

МАГДА. И ты ещё с этим подонком пьёшь?

СКОРИНА. Что произошло, что с Мартой?

МИЛОШ. Она умерла.

МАГДА. Нет, она не просто умерла. Она умерла, рожая твоего ребёнка! Скотина! Одна! Потому что все её считали шлюхой! Шлюхой, вынашивающей ублюдка! Она ждала тебя, подлец, писала письма, писала, писала... (*Срывается на слёзы*).

СКОРИНА. А ребёнок?

МИЛОШ. Он тоже умер.

СКОРИНА. Господи...

МАГДА. Лучше бы ты там от чумы подох! Это был бы самый честный поступок за всю твою жизнь! (*Пауза. МИЛОШУ*). Что смотришь? Налей ему ещё пива... Поговорите про жизнь, по-мужски. «Где наша не пропадала»... Видеть вас не могу! (*Уходит. Пауза*).

МИЛОШ. Она... У неё это пройдёт. (*Пауза*). Действительно, откуда ты мог знать? Да и мы сами почти ничего не знали... Марта всё скрывала... до последнего... От родителей ей досталось – это правда. Ну так сама виновата: не сказала тебе тогда...

СКОРИНА. Что ты такое говоришь, Милош? У тебя вода есть?

МИЛОШ. Что?

СКОРИНА. Вода, простая вода. Дай, пожалуйста, а...

МИЛОШ. Сейчас.

СКОРИНА. О чём мы с тобой говорили? О деньгах? У меня к тебе будет просьба, Милош.

МИЛОШ. Какая?

СКОРИНА. Я привёз из Флоренции одну картину. Очень дорогую. Ты её продашь. (*Достаёт картину*).

МИЛОШ. Кто это?

СКОРИНА. Она тоже умерла...

XXVII.

1517.

Прага. Типография СКОРИНЫ. СКОРИНА смотрит гранки и листы.

СКОРИНА. Какой это экземпляр?

МИЛОШ. Сорок четвёртый.

СКОРИНА. Ребята, давайте, давайте, поднажмите, родные, нам к завтрашнему надо сто готовых. Чувствуешь, как пахнет! Свежее слово пахнет! Слово Скорины!

Входит МАГДА. Пауза.

СКОРИНА. Уйдите все. (*Пауза*).

МИЛОШ. Франц...

СКОРИНА. Все.

Все уходят.

МАГДА. Как идут дела?

СКОРИНА. Сама видишь. (*Пауза*).

МАГДА. Марта ко мне во снах приходиться стала. Придёт, простая, тихонькая, простоволосая, в сарафанчике одном, босоногая... Сядет и смотрит на меня. Я с ней говорю, спрашиваю о чём-то, а она молчит, не отвечает. И тут я понимаю, что она ждёт, чтобы я про тебя ей что-то рассказала. Ждёт... Которую ночь...

СКОРИНА. Ты садись.

МАГДА. Я тогда, может, действительно слишком...

СКОРИНА. Не слишком.

МАГДА. Накопилось много. Когда думаешь всё время – оно накапливается.... А потом как прорвёт, сама не понимаешь, откуда столько... Слышала, ты книги делаешь?

СКОРИНА. Да.

МАГДА. Этой машиной?

СКОРИНА. Она называется – пресс. Хочешь посмотреть?

МАГДА. Нет.

СКОРИНА. Почему?

МАГДА. Богохульство это. Библию – прессом... Где живёшь?

СКОРИНА. У Исаака Корчика комнаты снимаю.

МАГДА. В старом доме?

СКОРИНА. Ага.

МАГДА. Так там же, наверное крысы, как собаки, и клопы...

СКОРИНА. О, да. И злые, как османы.

МАГДА. И сколько платишь?

СКОРИНА. Семьсот.

МАГДА. Дорого.

СКОРИНА. Что ж делать?

МАГДА. Морду этому Исааку набить и всё, -- мигом в чувство придёт. Не хочешь сам, я Милоша попрошу, он с удовольствием...

СКОРИНА. Да ладно, сам разберусь. Расскажи лучше про неё...

МАГДА. Извини, не хочу. Скажу только, что зла она на тебя не держала. Светлым человеком жила, светлой и умерла. До последнего верила, что с тобой что-то случилось... Что ты заболел.

СКОРИНА. Так и было. *(Пауза)*.

МАГДА. Смешные ботинки.

СКОРИНА. Итальянские. Четвёртый год ношу, как новые.

МАГДА. Умеют делать.

СКОРИНА. Ну а ты как... В смысле муж, дети.

МАГДА. Какой муж, не смехи. Не с моим характером.

СКОРИНА. Брось.

МАГДА. Была тут одна попытка. Горе-ухожёр, всё пироги какие-то носил, песни пел... Ай, вспомнить стыдно. Да и годы женщину не красят.

СКОРИНА. Хорошо, что напомнила. У меня же завтра день рождения. Соберёмся маленькой компанией. Только свои... Без пафоса. Приходи.

МАГДА. Утром тесто поставила. Помнишь наши пироги? С фаршем, с мёдом, с малиной.

СКОРИНА. С грибами и сыром... Тысячу раз вспоминал.

МАГДА. Сколько вас будет человек?

СКОРИНА. Пять-шесть.

МАГДА. Хорошо.

СКОРИНА. Вот и не верь после этого в чудеса.

МАГДА. Да, сплошная мистика...

XXVIII.

1520.

Прага. Типография СКОРИНЫ.

МИЛОШ. Магда, оформи заказ... Ещё тридцать книг для Кракова, и Бремена.

МАГДА. Они неаккуратно оплачивают.

МИЛОШ. Я уже переговорил с Манфредом. Он поклялся, что задержек больше не будет.

МАГДА. Жулик.

МИЛОШ. Конечно. А мы кто? *(Смеётся)*.

Вбегает СКОРИНА.

СКОРИНА. Милош! Магда! Мы едем в Вильно!

МИЛОШ. Куда?!

СКОРИНА. Они пригласили меня. Смотри, письмо от магнатов Карских. Они приглашают меня открыть типографию в Вильно – первую в Литве! Магда, ты понимаешь, они разрешили... в Литве...

МАГДА. Это авантюра.

МИЛОШ. Я согласен.

СКОРИНА. Ребята, вы что...

МАГДА. И кроме того опасная авантюра.

МИЛОШ. И с этим согласен. У нас здесь только-только всё наладилось. Деньжата завелись, сарай отремонтировали. А в Литве ты сам знаешь, какой климат нынче, сам ведь оттуда ноги сделал... И правильно сделал. Ты что, хозяин?

СКОРИНА. Это литвинские книги! Если кто забыл, книги на языке Белой Руси! Их надо печатать в Литве... Они нужны там, а не здесь! Там... Подумайте о выгоде, а барышах. Я вам покажу красивейшие города на земле: Вильно, Полоцк, Минск, а какие озёра, леса... Они же сами приглашают! Там настоящие деньги, слава, почёт... Там – не здесь!

МАГДА. А что со всем этим?

СКОРИНА. Придётся закрыть. И быстро.

XXIX.

1522.

Вильно. Новая типография СКОРИНЫ. СКОРИНА и КАРСКИЙ.

СКОРИНА. Вот, здесь стоят три станка. Там ещё два. Во флигеле мы храним бумагу.

КАРСКИЙ. А в этих чанах что?

СКОРИНА. Краска.

КАРСКИЙ. Покажите. (*Смотрит*). Очень интересно. Сколько человек работает?

СКОРИНА. Тридцать. Это не считая меня и нашего директора – Милоша.

КАРСКИЙ. Он чех?

СКОРИНА. Чех.

КАРСКИЙ. Ясно.

СКОРИНА. А это гранки моих статей и прадмов к изданию...

КАРСКИЙ. Хм. Зачем вы это пишете?

СКОРИНА. Ну как же... Это, так сказать, мои суждения. Мысли... Если заметили, исключительно просветительского и патриотического содержания. Эта форма моего общения с людьми...

КАРСКИЙ. А кто вас уполномочивал общаться с людьми?

СКОРИНА. Да я...

КАРСКИЙ. Что, штанишки промочили? Хер с вами, пишете, что хотите. Как говориться, на каждый роток... Хотя, если захотеть, можно и на каждый... А как доходы, есть?

СКОРИНА. Есть.

КАРСКИЙ. Это хорошо. Как же без дохода? Без дохода никуда... Скорина, вы много времени провели за границей. Возможно, немного подзабыли местные обычаи. Есть много влиятельных людей, которые интересуются вашим «проектом». Было бы очень разумно поделиться с ними...

СКОРИНА. Что значит «поделиться»? С кем?

КАРСКИЙ. Например, с церковью. Всё-таки божье печатаете. Затем гетман, стряпчие, да и местные авторитеты тоже, я им уже обещал...

СКОРИНА. Причём «авторитеты» к моей типографии?

КАРСКИЙ. Притом. Вы не думайте, -- выполняйте. А то станок-то ваш деревянный, горит хорошо. Жалко, если дело всей жизни возьмёт, да и сторит в какую-нибудь несчастливую ночь.

XXX.

СКОРИНА тишет. Входит МАГДА.

МАГДА. Твоя вода.

СКОРИНА. Спасибо. Магда, сядь... Тебе знаком страх?

МАГДА. Конечно. Каждый человек чего-нибудь боится.

СКОРИНА. Не конкретных вещей. Не темноты... Не грабителей... А вот, чтобы просто страх.

МАГДА. Это больше похоже на плохое настроение.

СКОРИНА. Почему страна моего детства так не похожа на ту, в которую я вернулся? Я же помню тогда... Небо синее-синее, запах травы, на улицах улыбочивые, светлые люди... Мы с отцом катаемся на лошадях, -- вихрь в лицо... Потом я бегу к речке: и трава под босыми ногами мягкая, тёплая, влажная... Там была заводь с пологим песчаным берегом -- «детский пляж» называется... И вода там чёрная, густая, тёплая... Наплаваешься, вылазишь на траву, руки раскинешь и лежишь... Солнце спину сушит, и ты чувствуешь, как на коже травинки присыхают. И в этот момент, нет ничего интереснее, чем кузнечик на земле или муравей, бегущий по травинке...

МАГДА. Не надо было тебе возвращаться, Франциск.

СКОРИНА. Вчера приходили люди от казначея, проверяли счета и приходные книги... Всё им мало.

МАГДА. Им всегда будет мало. А что бискуп?

СКОРИНА. Сука... Приказал приносить ему все статьи... Каждое слово вычитывает, правит...

МАГДА. Успокойся.

СКОРИНА. Приказали составить отчёт, куда я отдаю свои книги. Кто их читает. Какое им на хер дало? Этому дай. Этому уговори. С этим согласуй. Как будто я сюда ублажать их приехал! Милош ходит злой как чёрт. А у него семья...

МАГДА. А у тебя?

СКОРИНА. Что у меня?

МАГДА. Семья...

СКОРИНА. Магда, не надо сейчас...

МАГДА. Я могу спросить по-другому: кто я при тебе? Подруга? Любовница? Домохозяйка? Секретарь?

СКОРИНА. Магда...

МАГДА. Мне просто самой интересно.

СКОРИНА. Ты -- женщина рядом со мной.

МАГДА. Женщина рядом с тобой. Это как? *(Пауза)*. Ты хоть сам понимаешь, как это унижительно.

СКОРИНА. Магда...

МАГДА. Нельзя унижать женщину, Франц. Это последнее дело унижать женщину.

СКОРИНА. Перестань. Я не думал...

МАГДА. Конечно, ты не думал. Зачем тебе обо мне думать? Магда взрослая, она сама по себе подумает... Время идёт. Мне пора стать женой, матерью, бабушкой, в конце концов.

СКОРИНА. Ты хочешь свадьбу?

МАГДА. Нет, я не хочу свадьбу. Я хочу семью. Любая женщина хочет семью. Как её желала Марта. Я хочу хоть какой-то определённости...

СКОРИНА. Не знаю, что тебе сказать. Честное слово.

МАГДА. Я тебя очень сильно люблю, Франц. Твои руки. Твои губы. Твою шею. Спину. Ноги. Я буду целовать твои колени, даже если ты будешь гнать меня, как дворнягу...
СКОРИНА. Мне всегда доставались женщины, которых я не заслуживаю.
МАГДА. Зато мне как раз те мужики, которых я заслуживаю. Ох... Ладно. Пойду стелиться. Что-то захотелось второго ребёнка.
СКОРИНА. А где первый?
МАГДА. Ты первый...

XXXI.

МИЛОШ один на типографии. Входят ДВОЕ.

1-ЫЙ. Господин Милош?

МИЛОШ. Да.

2-ОЙ. Чех?

МИЛОШ. Да.

1-ЫЙ. Приехали, значит, из Чехии?

МИЛОШ. Приехал. Кто вы такие?

1-ЫЙ. Мы? Леха, объясни чеху кто мы такие.

2-ОЙ. Есть у нас на родине такая профессия – налоги собирать.

МИЛОШ. Мы платим все подати.

1-ЫЙ. Смотри, чех не понял. Вот что значит иностранец.

2-ОЙ. Налог налогу рознь. Один в одну казну идёт. Другой – в другую... К нам тут слухи дошли, что вы потихонечку взяточники даёте. То одному человечку, то другому... Нехорошо. Коррупцию, значит, разводите. Мздоимство. А по нашим законам – это фу. Плохо очень, понимаешь?

МИЛОШ. Кто вы? На каком основании меня допрашиваете? Я сейчас позову...

1-ЫЙ. (*Бьёт МИЛОША*). Совсем парень не догоняет. Тебе же русским языком говорят – представители литвинской державы. Чего тебе ещё неясно, дурик?

2-ОЙ. Накуролесили, теперь будем разбираться. Вам же сразу сказали: типография – объект для державы стратегический... И контролировать его должны государственные люди.

МИЛОШ. Пошли вон, собаки...

1-ЫЙ. Он ещё огрызается, сучёнок.

2-ОЙ. Давай его сюда... (*МИЛОША кладут на станок, руку засовывают под пресс*). Будешь знать как спорить с правоохранительными органами... Как тебе такая книга! (*Сдавливают руку, МИЛОШ кричит*).

1-ЫЙ. Запомни, тварь, на этой земле нет ничего твоего. Ничего! Будете делать, что скажут. И тогда, может быть... Может быть, вас оставят в живых. Сучёнок...

2-ОЙ. Ты смотри, рукав мне порвал. Тварь! Просветители херовы... (*Разбивают гранки статьей. Уходят*).

XXXII.

Входит СКОРИНА, видит МИЛОША.

СКОРИНА. Милош! Милош... Милош... (*Пытается поднять пресс*). Потерпи... Я сейчас... Терпи...

МИЛОШ. Я ничего... Я нормально... Они разбили гранки. Франц... (*Пауза*).

СКОРИНА. Мы уезжаем отсюда. Уезжаем из этой страны завтра же. Завтра же! Будь она проклята...

XXXIII.

1532 год.

Прага. Трактир. СКОРИНА пьёт. Входит очень старый БЕССИНИ и КУРТ.

СКОРИНА. Профессор Бессини! Курт! *(Лезет обниматься)*.

БЕССИНИ. Тише, тише... Осторожно. Я уже нахожусь в том возрасте, что от любого неосторожного движения могу рассыпаться в пыль.

СКОРИНА. Курт, старина, настоящий ганзейский купец... Надо выпить... Выпить, выпить, выпить... И никакой воды, -- шнапс!

БЕССИНИ. Курт сменил меня в университете.

СКОРИНА. Всё ещё ищет философский камень?

КУРТ. Йо-йо... Обязательно.

БЕССИНИ. В этом он преуспел гораздо лучше меня. До чего додумался, хитрюга: сделал гвоздь, наполовину железный, наполовину золотой... Покрыл его краской. И при герцоге показал чудо: опустил обычный гвоздь в эликсир, краска растворилась – весь двор ахнул. Вроде как металл в золото обратился. Успех был таким, что ему дали невероятные фонды. Боюсь даже спрашивать сколько...

КУРТ. Много...

СКОРИНА. Молодец. *(Пауза)*.

БЕССИНИ. Милоша жалко. Мы его тоже навестили. Без руки нелегко...

КУРТ. Открыл свою пивоварню. Встречаетесь?

СКОРИНА. Нет.

БЕССИНИ. Выпьем. Странная вещь: иные земли не заслуживают своих сынов. Я думаю про Италию: разве эта злобная, погрязшая в мелких распрях, разврате, религиозной ненависти страна заслужила Данте и Рафаэля, Маккиавели и Леонардо... Единственное, что она заслужила – это поголовный сифилис, который я подхватил в двадцать лет от одной проститутки, и на борьбу с которым угрохал последние шестьдесят лет.

СКОРИНА. Ничего... Все всё равно подохнут. Наливайте...

КУРТ. Йо-йо... Я слышал о твоих денежных проблемах... Если хочешь, возвращайся в университет.

СКОРИНА. Нет, я больше никуда не выезжаю из Праги. Наездился... Во!

БЕССИНИ. При дворе освободилось место садовника. Дают комнату, жалование, стол. Могу похлопотать...

СКОРИНА. А что случилось с прежним садовником?

БЕССИНИ. Умер.

СКОРИНА. А... Надо обмозговать...

XXXIV.

1551.

Прага. Спальня.

ПОДВИЦКИЙ. Спите за столом? Ай, ай, ай...

СКОРИНА. Опять вы...

ПОДВИЦКИЙ. Я. Подумали над моим предложением? Мы договорились?

СКОРИНА. Знаете что, господин литвинский дворянин, даже если меня там будет ждать дворец из чистого золота, и вы вернёте мне все типографии, деньги, силы, руку Милоша, годы труда, я и в этом случае срать не сяду на эту землю. *(Пауза)*.

ПОДВИЦКИЙ. Хорошо. Сами выбрали. Загибайтесь здесь. И знайте, что для страны вы останетесь очередным мелким жуликом, хапугой, предателем, которого запомнят только за взятки, воровство и лстивые статейки. А все ваши книги мы найдём и уничтожим. Все до единой... Вам повезло – рак убивает стариков медленно... Так что вы ещё застанете то время, когда единственным материальным доказательством, что существовал некий Франциск Скорина, будет это дряхлое, вонючее, полумёртвое тело. Приятно было познакомиться. *(Выходит)*.

XXXV.

Входит КОРОЛЕВА.

КОРОЛЕВА. Господин Скорина! Господин Скорина! Где вы? А вот! Как вы сливаетесь с обстановкой... Маскируетесь вы что ли...

СКОРИНА. Ваше величество, просто не ожидал вас увидеть здесь.

КОРОЛЕВА. Да, вот такая я непредсказуемая... Бросьте ваши шутки, Скорина!

СКОРИНА. Я не...

КОРОЛЕВА. Не отвлекайте! Боже, что за манера! Моей фрейлене, Светлане... Короче, у неё что-то со здоровьем. Какое-то резкое ухудшение. Прямо с утра. Послали за доктором – так он только за голову хватается и дышит в свои очки. А её то рвёт, то в жар бросает. И главное, она только одно твердит: «Позовите господина Скорину! Позовите Скорину!» Прямо бредит...

СКОРИНА. Идёмте... *(Они выходят)*.

XXXVI.

МАГДА одна. Она раскладывает рукописи СКОРИНЫ, прячет его черновики. Складывает вещи. Входит СКОРИНА, садится, наблюдает за ней.

МАГДА. Ну как она?

СКОРИНА. На улице так свежо... Ветер пахнет весной, а под ногами целый ковёр из лепестков цветущих груш, вишен, яблонь... Запах стоит невыразимый.

МАГДА. Что тебя удивляет? Ты садовник, всю жизнь с цветами.

СКОРИНА. Когда к красоте привыкаешь, это уже не красота. Она существует только в удивлении... Я помню в детстве, в деревне те дни, когда просыпаешься не от солнца, не от петухов, а от свежести и запаха цветущих садов. Ты под тёплым одеялом... Всё тело разомлевшее, мягкое... Подниматься не хочется, и ты дышишь, дышишь до одури... *(Пауза)*. Как твоя рука?

МАГДА. Заживает.

СКОРИНА. Покажи. *(Смотрит)*.

МАГДА. Пару дней и заживёт...

СКОРИНА. Не чеши. А что ты меня спросила?

МАГДА. Что там со Светой?

СКОРИНА. А... Она умирает. Умирает от яда, которым ты отравила её.

МАГДА. Я предупреждала.

СКОРИНА. Ты предупреждала, да. Только... Почему ты мне не сказала, что дочь Марты, моя дочь, выжила?

МАГДА. Нет... *(Пауза)*. Да нет...

СКОРИНА. Успокойся...

МАГДА. Нет. Глупости...

СКОРИНА. Хватит.

МАГДА. Это не может быть она, Франц. Это не может быть она. Ту звали...

СКОРИНА. Ольга. Ты оставила её в приюте. Оттуда её тайно забрал добрый и бездетный граф Мирчик и дал ей другое имя... Светлана. Граф поведал ей это перед смертью, полторы недели назад. А она мне всё сказать хотела, момент искала... Да не успела. Это она, Магда.

МАГДА. Она совсем не похожа... Я помню Марту... Совсем другое лицо... Она умрёт?

СКОРИНА. Что ты ей дала? (*МАГДА показывает склянку*). Умрёт.

МАГДА. Господи... Это всё потому, что ты уехал тогда. Марта ведь просила тебя... Не надо было ей рожать этого ребёнка! Она убила Марту! И теперь пришла убивать тебя, Франц...

СКОРИНА. Магда, каждый человек в этой жизни совершает ошибки. Каждый... И не мне упрекать тебя. Ничего нет глупее, чем пускаться сейчас в эти разговоры. Поэтому просто уходи.

МАГДА. Франц...

СКОРИНА. Уходи.

МАГДА. Совсем? Франц, ты не можешь меня просто выгнать. Только не сейчас, не после всех этих лет... Франц...

СКОРИНА. Или ты уйдёшь сейчас, или я тебя предаю суду. Уходи, Магда, не вынуждай меня совершить ещё один грех. (*Пауза*).

МАГДА. Ну что же ты, давай сюда свой суд! Давай всех сюда! Может, ты сам и приговор вынесешь?! И петлю на шею набросишь?! Давай!

СКОРИНА. Пошла вон!

МАГДА. Ты будешь гореть в аду! Гореть как факел, Франц! Там мы с тобой и встретимся. (*Собирается уходить*). Совсем забыла, я же принесла тебе свежей воды! (*Выливает на него ведро воды*). Пей на здоровье... (*Уходит*).

XXXVII.

СКОРИНА один. Он садится за свой стол, берёт перо и пишет.

СКОРИНА. У каждого человека есть родители: мать и отец. Закон Божий и Природный предписывает всякому любить и почитать родителей своих, яко и родителям беречь и лелеять детей своих. Всяк, кто сеет вражду меж ними противен Господу и природе. Хилому и больному чаду родители дают уход и заботу. Умными и смелыми – гордятся. И даже коли ребёнок строптивость выказывает, ни в коем случае его от себя нельзя отстранять или бросать. Ибо от любви сия строптивость и рождается. Так почему же держава наша, коя есть родительница всякого гражданина своего, так жестока и беспощадна к лучшим детям своим? Отчего с такою лёгкостью отрекается от них за малейшую провинность и строптивость? Да, очерствело сердце Литвы... А потому так много блудных сынов и дочерей литвинских и из Полоцка, и из Менска, и Новогрудка, Могилёва, Трокая, Вильно и всех городов и весей ходит и будет ходить по всем концам земли, отлучённые от матери из-за своей безбрежной любви... (*Начинает плакать, тихонечко поёт...*)

*Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина - трактир.
Нам тивная - Божий храм.
Ночь проводиши за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель - стариканам,
безрассудство - молодым!*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.*

*Не вернуться никогда
вешние денечки.*

"Человек - есть божество!"

*И на жизненном пиру
я Амура самого
в сотоварищи беру.
На любовную охоту
выходи, лихой стрелок!
Пусть красавицы без счету
попадут к тебе в силок.*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернуться никогда
вешние денечки.*

*Столько девок молодых,
сколько во поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бедрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.*

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернуться никогда
вешние денечки.*

1 мая 2005 года.